

Александр Прокопович

СПЕЦНАЗ ЛЫСОЙ ГОРЫ

Москва
«АСТ»
Санкт-Петербург
«Астрель-СПб»

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
П80

Серия «Боевая фантастика»
Художник обложки *В. В. Гурков*
Дизайн обложки *М. А. Акининой*

Прокопович, А.
П80 Спецназ Лысой Горы / А. Прокопович.— М.: АСТ; СПб.:
Астрель-СПб, 2010.— 413 с.— (Боевая фантастика).

ISBN 0-00-000000-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-1681-0 (ООО «Астрель-СПб»)

Его дом — на полпути между Лысой Горой и Княжеским
Замком.

Его любовница — ведьма.

Его друзья — гвардейцы Великого Князя.

Его враги... Не стоит завидовать его врагам, даже если у них
есть танки и ракеты средней дальности.

Знакомьтесь: Алекс Каховский. Герой. Работа такая.

О грядущем Конце света слышали?

Это из его биографии.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

*На всякий случай.
Автор действительно поклонник Глена Кука.
Примерно в той же степени,
в какой Кук обожает Рекса Стаута.
Но не ищите на страницах этой книги
ни Гаррета, ни Арчи Гудвина.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008 г.

© А. Прокопович, 2010
© ООО «Астрель-СПб», 2010

Часть первая

КНЯЖЕСКИЙ ГАМБИТ

Пролог

Проблема в том, что каждое следующее предательство всё менее эффективно.

Из найденного письма Брута Цицерону

Стража не должна ходить бесшумно. Она предназначена для другого. Мерное позвякивание кольчуги, сопровождаемое шарканьем, успокаивает вернее любого «в Багдаде всё спокойно».

Князь Ярослав не спал. В отличие от человека нормального, просыпающегося от шума, он проснулся от тишины. За пятнадцать лет его жизни тишина обнаружила себя впервые.

Уже что-то случилось, но отчаянно не хочется в это верить. Если бы князь потерял еще несколько драгоценных минут, пытаясь уверить себя, что волноваться не о чем,— его, скорее всего, убили бы прямо в спальне. Быть может, в подвалах Замка. Ярослав решил не дожидаться этих «скорее всего» и «быть может».

Когда тишина, наконец, была нарушена шумом стремительно приближающихся людей, обвешанных оружием, Ярослав уже спускался по стене Печерского Замка.

Литовской княжне Лоретте — самой молодой жене старого князя Владимира и по совместительству его безутешной вдове — не повезло. Наследник сбежал.

* * *

Странно воевать в собственном городе. Как-то неловко. Несколько тысяч слонов в посудной лавке старательно пытаются убить друг друга, не причиняя при этом вреда фарфору и фаянсу. Новые времена были непонятны и нехороши. До сих пор смена головы под короной волновала исключительно очередного монарха. Предыдущий уже не волновался. Мертвые вообще довольно хладнокровны...

Княжне Лоретте не просто не везло, её везло не в ту сторону.

Так бывает. Кажется, делала всё, как должно: запаслась клинком, подождала, пока Великий Князь уснет крепче. Ударила — нож по самую рукоять. На этом процесс передачи короны должен был закончиться.

Вероятно, все дело в переходном возрасте — в пятнадцать лет мальчики, даже если они наследники престола, страшно непредсказуемы и чересчур подвижны.

Лоретта считала, что введенный накануне в город полк литовских улан должен решить и эту проблему. Не решил. Не помогли даже колдуны, приписанные к уланам. К тому же Младшая Хозяйка — властительница одного довольно большого холма в черте города, верхушка которого начисто лишена растительности, — была не в восторге от пришлых колдунов. Ведьмы вообще довольно болезненно реагируют на чужаков. Ведьмы Лысой Горы и сама Младшая Хозяйка — не исключение.

Ошибка думать, будто титул «Младшая» связан с тем, что Хозяйка способна создавать только маленькие

неприятности. Просто есть еще и Старшая Хозяйка. Или была. У ведьм всё так неопределенно...

Князь Ярослав не думал о ведьмах. Скорее всего, он вообще не думал. Князь спустился с Замковой горы, чтобы подняться к Золотым воротам, у которых располагалась комендатура.

Княжна Лоретта в комендатуре наследника не искала. На месте Ярослава она бы сбежала в какое-то другое место — далекое от хорошо вооруженных людей и дверей с крепкими засовами. Либо молодой князь был глуп, либо наивен, либо князю так положено думать. Что-нибудь о том, что пусть не все, но некоторые из людей, присягавших отцу, должны остаться верны сыну.

Майор Яковлев устал. Будучи человеком профессионально кровожадным, он спокойно принял бы весть о том, что князь Ярослав умер от неведомой болезни или заблудился в подвалах Замка, в конце концов — просто исчез. Начальник киевской гвардии был твердо убежден в том, что ему в принципе вредно знать, что именно происходит за стенами княжеского Замка. Но пока в его кабинете сидел худенький юноша, почти мальчик, по имени Ярослав — и майор Яковлев устал от попыток ответить самому себе на вопрос — почему он до сих пор не арестовал князя?

Майор, уже раз пятнадцать обошедший свой кабинет по кругу, вот-вот должен был пойти на шестнадцатый, когда у него и Ярослава появилась компания. Человек в мундире Киевской Короны. Золото на зеленом, двойная стрела на кокарде.

Майору было нехорошо. Зайти к нему без доклада мог Великий Князь и сильный ветер. Всё. Проблема была в том, что именно этот зашедший, чтобы обойтись без такой формальности как доклад, вполне мог предварительно перебить пять отделений гвардии, располагавшихся в комендатуре. Первый Меч Лысой Горы — боевой маг, правая рука Младшей Хозяйки — снял с себя традиционный радужный плащ, чтобы продемонстрировать свою лояльность Киевской Короне. Надо понимать, что лояльность простиралась не только на Первого Меча, но и на просто мечей — подчиненных Первого, так себя называла гвардия Лысой Горы — лучших бойцов этой части света. И, само собой, на ведьм, без прямого приказа которых мечи не делали никогда и ничего. Ночь была полна сюрпризов. Яковлев выглянул в коридор — гвардия всё еще существовала. Тела были подвижны, вооружены и ожидали гнева майора.

На рассвете, когда Лоретта наконец узнала, куда сбежал наследник, у ворот комендатуры появились два взвода литовских улан, чтобы убедить Яковлева сделать невозможное — выдать наследника, который в этот момент в сопровождении Первого Меча и мечей не первых поднимался по склону Лысой Горы к замку ведьм.

К моменту дружеского визита улан Яковлев успел поднять по тревоге гвардию, в том числе и роту королевской стражи, недосчитавшуюся после ночной смены троих бойцов, что после рассказа молодого князя уже не стало неожиданностью.

Глядя с привратной башни на посланцев Лоретты, Яковлев подумал, что ему никогда не нравились литовки, даже если они настолько красивы, что могут со-

блазнить Великого Князя. Вероятно, закон сохранения отыгрался на уме княжны, раз она решила общаться с собственной гвардией с помощью наемных войск.

Армия не должна быть умной. Какой угодно, но не умной. У тупой армии не развито воображение, и это позволяет ей не мучить себя всевозможными нелепыми «а что, если...» Иногда тупость незаметно перерастает в стойкость. Тупая армия хороша и тем, что во времена, свободные от сражений, не начинает маяться от скуки, что в случае войска с повышенным интеллектом рано или поздно кончается военным переворотом. Армия Киева была идеальной. Армия осталась верной безутешной вдове Лоретте. Гвардия присягнула молодому князю.

Армия, литовские уланы и колдуны — с одной стороны; гвардия и Лысая Гора — с другой. Проблема была в том, что обе стороны сражались за власть над городом, жителей в котором с каждым днем становилось всё меньше. Пока страх дороги перевешивал. Но с каждым разрушенным домом, с каждой шальной смертью поток беженцев увеличивался. Еще несколько месяцев противостояния — и воевать будет не за что... Победителю достанутся развалины и сомнительное счастье отстраивать целый город.

* * *

На проклятом холме, страдающем манией величия и потому называемом Лысой Горой, каждый был занят важным делом. Я — не важно бездельничал.

Кажется, эта война была специально придумана для того, чтобы я не мог попасть в свою квартиру. Линия фронта проходила как раз через мой дом. С каждым днем этих маневров мысль о том, что война ведется вовсе не за киевский трон, а просто чтобы досадить мне, становилась всё сильнее и убедительнее.

Наверное, мирным жителям тоже было несладко, но эту несладкость — попасть под руку Лоретте или Князю — они могли заполучить, не выходя из дома. Воякам было всё равно. Если и есть дома, которые не жаль покинуть, то это казармы. Ведьмы же и вообще вели войну на значительном удалении и преимущественно чужими руками. Как обычно.

И только у несчастного Алекса Каховского, в смысле у меня, не было ни дома, ни казармы. У человека, который выдернут на Лысую Гору лично Младшей Хозяйкой, вообще проблемы с количеством счастья, но я в таких случаях привык делать так, чтобы в дело вступали руки и ноги, а голова была занята исключительно обзором местности, дабы обеспечить рукам и ногам верное направление.

Обо мне забыли решительно все. Алисе — хозяйке моего пока еще не сожженного дома, не повезло — она оказалась со мной в одном путешествии. Вследствие чего — тоже волею ведьм — была доставлена на Гору и странным образом моментально оказалась пристроена к делу. Судя по дошедшим до меня слухам, Алиса занимала должность то ли квартирмейстера, то ли интенданта... То есть человека, по воле которого ночлег в не самом комфортном помещении может с легкостью превратиться в ночлег под открытым небом, что зимой не радует совершенно.

Мой ученик растворился среди гвардейцев и мечей. Данила ко мне в ученики попал как раз из этого проклятого места, фактически — спустился с Горы. Его

карьера боевого мага печально закончилась, так и не начавшись, из-за одной твари, насухо выжимавшей магию из каждого, кто попадался ей под руку. Под руку ей попала и Младшая Хозяйка, что явно было перебором. Тварь этой встречи не пережила, а Данила, уже не годящийся в мечи, стал моим учеником.

В конуре, которую мне отвела Алиса, Данила появлялся лишь для того, чтобы рассказать очередную новость. В моем положении любая новость подтверждала лишь одно — детектив Алекс не нужен решительно никому. Даже Голубой Дракон — кот, доставшийся мне в наследство после одного дела, и тот посещал меня лишь изредка — и только для того, чтобы похвастаться своими охотничьими трофеями. О посещениях я узнавал по запаху. Мыши со свежескрученными шеями пахнут. Сильно.

Ко всему прочему, у меня кончился табак, на Лысой Горе не пили ни пива, ни чего-либо крепче, а значит, всё, что мне оставалось, это спать, есть и бродить по Горе, делая вид, что я занят чем-то более важным, чем подсчет собственных шагов. Сегодня мне оставалось до красивого числа десять тысяч буквально несколько минут, когда рядом с моими шагами начали отчетливо прослушиваться чужие. Вероятно, я мог бы заметить, что больше не один, на несколько кругов раньше, если бы меньше интересовался отпечатками собственных следов. Чужие я просмотрел.

— Учитель...

Есть такая интонация, которая соединяет в себе некую форму извинения, сочетающуюся с упрямым содержанием. Данила владел ею в совершенстве.

— Мои уши еще не утратили дара переправлять в сторону черепа твои слова...— Даниле понадобилось почти четыре шага, чтобы все-таки решиться продолжить:

— Нас ждут.

Все-таки человек — удивительное создание, именно в этот момент я начал находить в своем прозябании на Лысой Горе определенные прелести. Я приблизительно догадывался, кто меня ждет и что за этим последует. Абсолютно точно, что не пройдет и пары дней, как я буду вспоминать свое безделье как высшую и притом совершенно недостижимую награду.

Глава первая

ШАНС ДЛЯ ПУШЕЧНОГО МЯСА

Призыв в армию — лучший способ заставить человека бесплатно сделать то, что в обычной жизни, он не сделал бы ни за какие деньги.

Из пособия военно-экономической академии

По этой лестнице я уже один раз спускался, что наводило на мысль о необходимости отыскать свой фамильный герб и внимательно его рассмотреть. Отец ничего мне не рассказывал о золотых граблях, но, по-видимому, он просто не задумывался, что это за перекрещенные палки с зубьями в центре семейной реликвии. А может, просто не хотел расстраивать сына? Интересно, как звучал девиз? «Удар неизбежен»?.. Прошлый раз я спускался в недра замка ведъм, чтобы затем оказаться в славном городе Москва. Покинул я бывшую столицу когда-то необъятной Родины в тот тонкий момент, когда моя одежда уже занялась, а кожа все еще не загорелась. С тех пор я всегда сижу несколько дальше от всевозможных очагов и каминов, чем того требует простое нежелание закоптиться.

Когда я первый раз попал на эту лестницу, мне показалось, что она заканчивается достаточно глубоко,

чтобы задача вырыть подземный ход до Америки не выглядела безнадежной затеей. С тех пор ступеней не стало меньше.

— Может, не всё так плохо в моей квартирке, и что с того, что линия фронта проходит где-то между спальней и кухней?

Данила уже сделал первый шаг по лестнице... Не мог же я отставать от ученика!

После первого шага ничего не произошло, мне понадобилось спуститься еще на три ступеньки, чтобы перестать понимать — лестница передо мной или дорога, вымощенная узкими плитами. Кажется, зрение, а вместе с ним и все остальные органы чувств обманывали меня каким-то очень специальным приемом — я шел по совершенно плоской поверхности, с каждым шагом все больше чувствуя себя марафонцем, у которого внезапно открылось не то что второе, а сразу тридцать второе дыхание... Мне понадобилось усилие, чтобы вовремя остановиться. В прошлый раз я спустился на два марша ниже, чем требовалось, что вызвало удивление Младшей Хозяйки. Интересно, почему Данила еле тащится?

— Алекс, ты меня пугаешь... По этой лестнице обычно передвигаются чуть медленнее...

Меньше всего мне хотелось бы видеть напуганной Младшую Хозяйку. Когда ведьмы пугаются, они, как правило, довольно быстро и решительно уничтожают причину своего страха.

— Спешил...

Быть может, кто-то другой на моем месте и ввернул бы что-нибудь из коллекции причин, по которым мужчина может спешить на встречу к даме. Я — промолчал. Иногда у Младшей Хозяйки напрочь выключается чувство юмора.

— Со стороны это смотрелось как чудо.

Голос, произнесший эту фразу, не принадлежал Младшей Хозяйке. Он не принадлежал и Первому Мечу, который достаточно ожидаемо стоял за спиной у Хозяйки.

— Мы знакомы?

Моя природная воспитанность отказывает мне исключительно в тех и только тех случаях, когда она может пригодиться. Нужно было очень сильно поработать над содержимым собственной черепной коробки, чтобы не догадаться, что за юноша может находиться в кабинете-келье Младшей Хозяйке и при этом подавать голос, не получив предварительно высокого согласия.

— Князь? — Надеюсь, в моем голосе была достаточная доза раскаяния...

Легкий кивок подбородка намекнул мне, что впервые в жизни я нахожусь в одном помещении с царствующей особой... Ну, с учетом обстоятельств, наполовину царствующей.

— Лейтенант, Младшая Хозяйка порекомендовала вас в качестве советника и телохранителя. Вы будете сопровождать меня в нашей экспедиции.

* * *

Это не зависть. Это обстоятельства: некий молодой человек, родившийся в семье, представители мужской линии которой почти никогда не умирали своей смертью, точно знал, что я буду делать. Стоило ему произнести слова, как они тут же начинали становиться делом. Это вид колдовства. Вероятно, именно за колдовство отца Ярослава и убили.

Завтра лейтенант Алекс Каховский и две роты королевской стражи отправятся к хутору Михайловскому. То есть отправится князь Ярослав, а мы просто будем

сопровождать юношу, чтобы ему не было тоскливо брести каких-то триста шестьдесят километров туда и, если сильно повезет,— столько же обратно.

Завтра, примерно в то же время, к тому же хутору, но с противоположной стороны, отправится другой князь — Великий Князь Московский Порфирий.

Если Ярославу ничто не помешает вовремя прибыть на место встречи и произвести правильное впечатление на Порфирия, то в Киев он уже вернется вместе с союзником — и Лоретте придется срочно искать город, в котором князья водятся в меньшем количестве.

План Младшей Хозяйки (почему-то мне подумалось, что план принадлежит именно ей) был всем хорош, если не задумываться о том, что:

— Порфирий может оказаться ничем не лучше Лоретты, а вдвоем с Лореттой они точно будут хуже, чем она одна;

— триста шестьдесят километров до точки встречи еще нужно преодолеть, причем милая сердцу киевская брусчатка тянется совершенно в другом направлении.

Ну и, наконец, о личном. Я все никак не могу забыть о том, что во время моей последней встречи с Порфирием, который тогда еще не был Великим Князем, он пытался меня привселюдно сжечь на костре. Трудно поверить, но это воспоминание буквально обжигает.

Вероятно, меня должно радовать, что я опять лейтенант. Если бы вместе со званием мне отдали мое родное Костяное отделение, командовать которым мне доводилось во время службы и иногда после нее,— радость была бы куда искреннее. Увы, надеяться на то, что всю черную работу сделает кто-то другой, на этот раз не приходилось. На войне как на войне. Хорошо хоть рассказали, для чего я нужен,— редкое везение для пушечного мяса.

Глава вторая

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Во время падения с десятого этажа страхом высоты можно пренебречь.

Из учебника «Занимательная психология»

Когда-то, довольно недавно (примерно за неделю до того, как мой еще не дедушка познакомился с моей еще не бабушкой), всё изменилось. Как это часто бывает во время глобальных изменений, то, что казалось мелочью, со временем стало главным, главное же, напротив, со временем забылось. Мелочью казалась Большая Стена, в одночасье возникшая из ниоткуда, то ли по прихоти неизвестного военного гения, то ли просто потому, что наступил восьмой день творения. Главным казался обмен достижениями научного прогресса. В данном случае это означало: а покажи-ка, на сколько частей разделяются твои боеголовки! Обмен проходил между Россией и Северо-Атлантическим блоком.

Большая Стена появилась как раз в тот момент, когда стало понятно, что огромное количество людей совершенно зря получали зарплату. Боеголовок было явно больше, чем нужно. Впрочем, с учетом того, что Россия

предпочла раскрасить картину происходящего асимметричным ударом сейсмической бомбы где-то в районе тектонического разлома в глубинах Атлантического океана, безработица еще очень долго будет недостижимой мечтой нового мира.

Только после возникновения Большой Стены обмен достижениями был закончен, и дальше одна шестая суши и весь остальной мир наконец-то пришли к согласию. Согласие было прочным, как раз настолько, насколько прочна была Стена, а она была прочнее всего, что до ее появления было известно человечеству. Впрочем, успевших опасть разделенных боеголовок как раз хватило на то, чтобы всё изменилось. Во всяком случае, с нашей стороны Стены. Выжившее население — примерно каждый десятый — продолжало нести потери, с трудом противостоя мутациям собственного вида и пытаясь выцарапать право на жизнь у многочисленных видов животных и растений, мимо которых мутация тоже не прошла. Кроме всего прочего, население напрочь потеряло охоту к промышленным революциям, вернувшись к временам доэлектрическим, и кто знает, сколько бы времени продолжалась эта идиллия, если бы среди мутантов не стали всё чаще появляться существа, наделенные силой, которую принято называть магией, просто потому, что другие названия не прижились. В стране, где правят маги и ведьмы, приходится несладко и ученому, и монаху. Тяжело быть Ньютоном, когда любой из трех законов то и дело дает сбой. Совсем непросто быть инквизитором, если ведьмы отвлекаются от таких важных вещей, как насылание порчи на домашний скот, и принимаются непосредственно за инквизиторов.

Несмотря на достаточное количество радиоактивных осадков и по ту сторону Стены, то есть там, где остались развалины Вены, Берлина, Парижа, Лондона

и Нью-Йорка, магия в тех краях если и усилилась, то сделала это скрытно, не бросаясь в глаза. Вероятно, потому, что с младенцами на Западе обращались в духе старинной спартанской традиции — проверяли прочность новорожденных черепов ударом о древние скалы, если этот череп хоть на йоту не вписывался в жесткие нормы.

Запад, несмотря на потери, довольно быстро начал восстанавливаться, и уверенность в собственной избранности омрачал лишь старый-новый кошмар о Железном Занавесе. Теперь он стал реальностью. И если раньше всяк желал, чтобы он наконец раздвинулся, то нынче этого всяк боялся. Что именно может появиться из-за Большой Стены на Западе, не знали, но издавна ничего хорошего с Востока не ждали.

Я бы и сам не ждал. Если в немногочисленных городах с нашей стороны жить было достаточно безопасно, то появляться за пределами населенных пунктов было желательно не поодиночке и очень ненадолго. Конечно, небольшая армия могла спокойно катиться по просторам Руси, не встречая сколько-нибудь значимого сопротивления. Но даже этого слабого сопротивления вполне хватило бы, чтобы где-то к середине пути главнокомандующий вдруг понял, что небольшая армия превратилась в довольно маленькую, и вообще совершенно необязательно командира взвода называть главнокомандующим.

За городом селились колонии вампиров, за городом можно было увидеть встречника и иногда после этого остаться в живых. Можно было научиться находить верные тропки... Мутации и магия сделали каждое живое существо на этой земле не просто опасным, но «опасным внезапно».

Впрочем, существовали караваны. От Киева до Ростова, от Одессы до Москвы — целые города медленно

ползли по причудливо изогнутым маршрутам — от села к поселку, от поселка к хутору, по дорогам, умасленным кровью и потом. И хотя за десятилетия всевозможная нечисть научилась не приближаться к дорогам, каждый вернувшийся караван был удачей. Ожидаемой, но удачей. А караван, вернувшийся без потерь, был чудом. Земля снова нашла в себе силы, впервые за много лет, прогнуть человека под себя.

В распоряжении у князя Ярослава будут всего две роты стражи, а также я, мой ученик и мой кот. Идти нам предстоит не караванным проверенным путем, а по прямой — таково условие Великого Князя Московского Порфирия. Близ хутора Михайловского надлежит быть ровно через десять дней и десять ночей, притом после перехода наш отряд должен выглядеть достаточно достойно, чтобы Порфирий уважил власть Ярослава. Возможно, молодому киевскому князю было бы лучше не покидать своей опочивальни.

Глава третья

ЛЕГКИЕ ПРОТИВ ТЯЖЕЛЫХ

Никто не знает, чем закончится поединок слона и кита, однако совершенно точно известно, что должен сделать биатлонист, чтобы победить боксера.

Из секретных глав Олимпийской хартии

Прелесть пеших прогулок может так и остаться не известной человеку, который несет на себе пару десятков килограммов за плечами и к тому же ошибся с компанией. Я предпочел бы верхом, но маршрут, который мы выбрали, мог запросто стать любимым у лошаденавистников. Трасса, будто специально созданная для переломов непарнокопытных конечностей.

К своему ученику Даниле, насвистывающему что-то, отдаленно напоминающее «Прощание Славянки», я привык. Иногда мне кажется, что и он ко мне привык тоже. Что касается Толстикова — капитана королевской стражи — к нему, боюсь, так и не смогла привыкнуть даже его собственная мать. Толстиков был вторым человеком среди направившихся в поход, который был лишен жестокой необходимости нести на себе что-то, кроме оружия. Первым был князь Ярослав, но это я был готов понять и принять. Толстикову же явно не помешали бы

еще сто граммов поклажи: примерно столько весит намордник.

К моему несчастью, капитан пытался держаться поближе к Ярославу. С учетом того, что мне, штатному телохранителю, приходилось держаться рядом с тем же объектом, Толстиков постоянно оказывался на расстоянии руки, плотно прижатой к телу. Ненавижу.

Радовало, что близость к патрулям Лоретты заставляла капитана разговаривать шепотом. Хотя — кого я обманываю? Если патрули не услышат этот хрип, их обязательно обдаст слюной — по крайней мере я уже даже не пытался уворачиваться — бесполезно.

— Алекс, зачем ты увязался с нами, я же знаю, ты специалист по розыску домашних зверушек. — Сип, который раздался напоследок, вероятно, должен был означать смех шепотом. Объяснять капитану королевской стражи, что поиск четвероногих — лишь частный случай в моей карьере частного детектива, — бесполезно. Думаю, сам капитан не смог бы найти затерявшуюся животину, даже если это будет его собственный любимый плюшевый мишка. Рассказывать о своей службе в гвардии — тоже непродуктивно, королевские стражи не понимают, как можно быть приличным бойцом, не оттачивая ежедневно строевую подготовку. И в самом деле, в лесу, куда мы сейчас направляемся, без строевой подготовки никуда. На улицах Киева строевая подготовка тоже хороша только в дни праздников, если, конечно, нет какого-то не известного мне приема этой дисциплины, помогающего скрытно передвигаться по городу.

Лейтенант Костяного отделения Алёхин, единственный известный мне представитель человеческого рода, одинаково преуспевший и в строевой, и в боевой подготовке, любит развлекаться, ловя стрелы на лету. Рука, которой он сотворяет это чудо, одета в специаль-

ную толстую перчатку, а стрелять он доверяет только Марату — лучнику от бога, мастеру, который может послать стрелу с нужной скоростью в нужное место. Сейчас нам предстояло проделать фокус куда проще по исполнению, но куда более болезненный. Мы будем ловить стрелы всем телом, а кому особо не повезет — головой.

С ночью нам не повезло — лунная, безоблачная, и все это на фоне недавно выпавшего снега. Примерно с такой невезухой сталкивается заяц-беляк, раньше времени сменивший окрас. Толстиков перестал сипеть. Он командовал. Его мама очень долго подыскивала себе партнера для зачатия будущего капитана — такой командирский голос можно вывести только путем целенаправленной случки самых голосистых особей на протяжении нескольких поколений.

Огромные щиты сомкнулись, закрыв стражу и Ярослава. В первые секунды атаки мы потеряли несколько человек. Еще десятеро были ранены. Для этих поход уже был закончен. Мой кот Голубой Дракон, который только что терпеливо сносил соседство капитана и его обильное слюноотделение, исчез, вероятно, решив, что это не его драка. Вот так всегда — коты мудрее и быстрее нас.

Обстрел — это плохо, но это только начало беды. Толстиков, конечно, попытается продвигаться под огнем и даже уже начал ответный обстрел, только с такими темпами передвижения уланы Лоретты явно поспеют на помощь к своим арбалетчикам куда быстрее, чем Толстикovu удастся выйти из-под огня.

На счет «раз» — через вдох после того, как бойцы капитана выпустили очередную порцию кровожадных малюток с перьями и железными наконечниками, — десять метров до угла я пробежал не то чтобы очень быстро — во всяком случае, никто не хлопал в ладоши и

не бежал вручать мне медаль. Быстрее я мог, только если бы кто-нибудь отвесил мне хорошенького пинка на старте. Теперь, когда арбалетчикам Лоретты понадобится несколько секунд, чтобы переместиться к другому карнизу, можно почти спокойно добраться до арки дома. Самое дорогое, что у меня есть,— мое тело — осталось без дырок, Данила, рванувший вместе со мной,— отделался царапиной. Щиты — в землю, дальше они будут только мешать. Посмотрим, насколько хороши литовские арбалетчики в ближнем бою.

Подняться на крышу, отдышаться, теперь главное — поймать ритм — не спеша и не мешкая, войти в движение, как в воду. Первый встреченный нами арбалетчик фактически умер от удивления. Интересно, а чего он ждал от людей, которых только что пытался пристрелить? В ближнем бою арбалет куда менее удобен, чем в стрельбе с крыши по проходящим внизу целям. Еще двоих нам с Данилой удалось удивить чуть менее скоро, что, конечно, тут же сказалось. Если бы болт пролетел на пару сантиметров ниже, моему черепу представился бы случай доказать, что он и впрямь так непробиваем, как об этом думают некоторые мои достаточно близкие знакомые.

Мой план по ликвидации не предусматривал затяжных боев с превосходящими силами противника — все должно было быть быстро и эффективно. Вероятно, литовцы попались недостаточно заторможенные или просто из другого анекдота. Когда им надоест тратить боеприпасы на дымоход, за которым мы спрятались, они поменяют диспозицию и постараются приготовить блюдо под названием «Алекс, нафаршированный арбалетными болтами».

Я не успел подумать о том, что в этот момент делает Толстик. Зачем думать, когда все и так слышно? Оказывается, отличие между тяжело- и легковооруженны-

ми действительно существует. Князь Ярослав смог увидеть это отличие собственными глазами в исполнении королевской стражи с одной стороны и арбалетчиков с другой. Исход был понятен с момента появления стражи на крыше. Это как раз тот случай, когда получаешь удовольствие, хотя знаешь, чем всё кончится.

Кстати, кажется, я оказался неправ насчет Толстикова. Сработали мы как по нотам. Теперь между нами и Батыевыми воротами — лишь десяток вражеских трупов и пара кварталов. Будем надеяться, помощь, вызванная арбалетчиками, прибудет уже после того, как мы покинем город.

Глава четвертая

ПОЙДЕШЬ НАЛЕВО...

С учетом того, сколько человек из ста психически нормальны, норма — это извращение с хорошим пиаром.

Из пособия по теории статистики

Не думаю, что, когда Батый, отчаявшись вломиться в Киев через Золотые ворота, решил войти в город с другой стороны, он догадывался, что пролом в стене назовут в его честь отнюдь не благодарные потомки. Как бы то ни было, ворота имени великого монгола остались позади. Пока дорога была милостива к нам — мы шли по остаткам брусчатки среди развалин когда-то огромного города. Растениям было трудно пробиться к солнцу сквозь камень, бетон и кирпич, иначе нам пришлось бы идти сквозь чащу. Правда, те же развалины, мешающие жить флоре, дали убежище многочисленной фауне, ведущей преимущественно ночной образ жизни. Счастье, что для большей её части одного рева Толстикова было вполне достаточно, чтобы наш отряд мог чувствовать себя здесь в полной безопасности.

Хуже нет — двигаться после боя. Наши раненые могли смело считать себя счастливыми. Как раз в тот мо-

мент, когда мы всё дальше удалялись от таких вершин цивилизации, как настоящая постель и горячая пища, они должны были их вот-вот достигнуть. Медперсонал Лысой Горы — среди которого не было замечено ни мужчин, ни уродин, — делал эту цель еще более желанной. Единственным пострадавшим, оставшимся с нами, был Данила. У него странное понимание ученичества. Вероятно, он считает, что я всё еще могу его чему-то научить, иначе чем можно объяснить его убежденность в необходимости защиты своего учителя? Голубой Дракон появился в пределах досягаемости сильного и быстрого удара ногой так же незаметно, как исчез накануне нападения арбалетчиков. Наверное, надеется, что мы привлечем внимание особенно большой и вкусной крысы.

Солнце встретило нас на берегу Днепра — у самой кромки льда. Любая ночь пытается все скрыть. Но только зимнее утро все обнажает так безжалостно. Нет жизнерадостной зелени и прочего разноцветья. Развалины, лишённые всякой романтики, остаются всего лишь развалинами, пустыри даже не пытаются притвориться веселыми лужайками. Снег? Снег украшает всё живое и уродует всё мертвое.

Лед в эту зиму был достаточно толстым, чтобы даже самый тяжеловооруженный стражник не опасался повторить судьбу пса-рыцаря. Нам предстояло добраться до левого берега и пройти еще пару километров, прежде чем придется свернуть с дороги. У развилки стоит трактир «Левобережный» — примечательный тем, что это первое обитаемое строение за городской чертой. Не знаю, что заставило хозяина дать ему такое название, то ли полное отсутствие фантазии, то ли глубинное чувство юмора. На левый берег власть Киевской Короны не распространяется. Это не значит, что, хоро-

шенько разозлив князя или ведьм, достаточно пересечь Днепр, чтобы очутиться в безопасности. Гвардия или отряд мечей найдут обидчика, даже если на это придется потратить не один год. Другой вопрос, если речь идет об обидах, нанесенных простым горожанам. В этом случае преступник может быть абсолютно спокоен. Настолько, насколько можно быть спокойным на левом берегу. Кстати, уверен: минимум каждый второй беглец из Киева непременно останавливался в этом трактире. По крайней мере, если бежать он решил на восток. Может быть, в названии «Левобережный» больше смысла, чем это представляется на первый взгляд?

* * *

Если женщина, открывшая ворота трактира, — жена хозяина, то я понимаю, почему трактирщик предпочитает жить за пределами города, но не понимаю, почему так близко. И, кстати, где груды тел убитых на дуэли за право снискать взгляд этих зеленых глаз? Неужели в этих местах снега намело достаточно, чтобы скрыть это побоище?

Судя по тому, что даже Толстиков перестал пыхтеть, — весь наш отряд думал примерно об одном и том же.

— Вы, наверное, совсем?

У нее и голос замечательный. На вопросы, заданные таким голосом, можно не отвечать — тогда есть шанс, что вопрос будет повторен — всё тем же чудесным сопрано.

— Или вы заходите, или я закрываю ворота.

На этот раз сопрано молчало, свои условия диктовал баритон, и внешность его обладателя дала ответы на все мои вопросы. Конечно — те же зеленые глаза, и даже черты лица те же, только всё это раз в пять больше, и

туловище совершенно пропорционально лицу. С троллями всегда так — как рассказывал мне мой приятель Григорян, большой любитель пива, книг и всевозможных историй, — такой расклад по размерам не случаен. У тролля-мужчины имеется специальная кожаная складка, типа сумки у кенгуру, в которой он, если нужно, прячет свою спутницу и детей. В принципе, это, наверное, лучше, чем оставлять женушку дома и не знать, чем она там занимается, пока ты на работе.

Странно устроены мужские организмы — самая прекрасная женщина еще вчера вряд ли была бы способна обогнать даже кружку пива в рейтинге мужских предпочтений нашего отряда. Сегодня мы не способны отличить тролльчиху от женщины, и, если бы не муж-троль, не думаю, что происхождение хозяйки трактира кого-то смутило бы.

— Алекс, а вот как у них так получается — он такой большой, она такая маленькая... — Вот ведь не узнает капитан Толстиков ответ на свой вопрос и проживет всю жизнь в муках.

— Капитан, а вы не думали, что, может, под одеждой он не такой и большой или она не такая и маленькая...

Ну вот — воображение Толстикова занято до конца нашего похода. Мне — хуже. Боюсь, мое воображение сейчас будет внушать мне, что я так же накормлен, как стража. Накормить две сотни голодных мужиков — задача, достойная целого выводка троллей, и выводок явно справлялся с ней успешно.

Умение предвидеть не всегда на пользу. Пир горой — в общем зале на первом этаже, а комната князя — на втором. Второй этаж — на самом деле не этаж вовсе, а небольшой балкончик для нескольких комнат и коридорчика с перилами. Данила, стоит справа у дверей комнаты Ярослава — спокоен, как удав на пенсии.

Я стою слева и очень хорошо себе представляю, как всё приготовленное съедается и выпивается и как лейтенант Алекс мучительно пытается заснуть на пустой желудок. Еще этот запах...

В бою всё как-то проще — выжить и постараться убить как можно больше противников. С караульной службой у меня всегда были натянутые отношения.

— Данила, ты бы пошел — поел, а? Я думаю, с пустым коридором я и сам справлюсь.

— Учитель?

Сейчас главное — правильно посмотреть на Данилу. Кажется, получилось. Я поднял на Данилу лицо, в котором постарался на корню удавить любую эмоцию. «...А самое страшное видели — лицо мое, когда я абсолютно спокоен?..» Действует безотказно. Одним мучеником стало меньше. Данила уже был на полпути к блаженству, мои же страдания увеличились безмерно. Всё из-за блюда размером с небольшой стол, которое приближалось ко мне только для того, чтобы тут же скрыться в комнате князя. Жареная картошечка с лучком и, кажется, утка. Я даже не обратил внимания на хозяйшку, умудрившуюся скрыться за всем этим великолепием.

Запах прошел мимо и растворился в покоях князя. Трольчиха вышла и подленько так улыбнулась. Могла бы хоть косточку принести сторожевому псу.

— Лейтенант?

— Да, ваше высочество? — Вероятно, хочет, чтобы я ему салфетку повязал или что там еще полагается во время княжеской трапезы.

— Алекс, не присоединишься? А то мне самому не управиться, заодно присмотришь, чтобы на меня дичь не набросилась.

Не так плоха караульная служба, как мне это казалось. Особенно когда караульный устав вдруг отменяется.

Глава пятая

ВАРИАНТЫ ДЛЯ КНЯЗЯ

Если хорошенько присмотреться, лучший выбор — лишь лучший из доступных.

Из дневника Дон Жуана

Прелесть еды в том, что можно достаточно долго находиться за столом даже с князем, молчать — и в то же время никого не обидеть. Голод только начал отход на заранее подготовленные позиции, а Ярослав уже потерял всякий боевой задор. Ничего — зубы наголо — враг должен быть съеден...

— Почему именно вы? — Князь явно не ценил молчание, а может, его раздражает мое чавканье?

— Что — я? — Иногда я умею моментально отреагировать и в то же время не сказать глупость. Если не знаешь, что ответить, — уточняй вопрос.

— Почему Младшая Хозяйка отправила именно вас? Вы — частный детектив, пусть даже довольно известный, пусть даже в свое время отслужили в гвардии. Почему не мечи, почему не пару ведьм или не Костяное отделение?

Что значит неправильное воспитание. Мне вопросы, начинающиеся на слово «почему», в голову не прихо-

дят. Если сказали идти к черту на рога — спрошу параметры рогов, чтобы подготовиться как следует.

— Есть варианты, князь. Первый — нет необходимости в ведьмах, мечех или гвардейцах. Второй — если вдруг с нами будет что-то не так, Хозяйка не хотела бы потерять что-то и вправду ценное. Ну и третий — а вдруг, с точки зрения Лысой Горы, Алекс — это лучшее, что у нее есть для вашей безопасности?

— Есть еще один вариант.— Князь откинулся на подушки дивана.— Младшая Хозяйка хотела бы потерять князя и в то же время сделать это с соблюдением всех приличий...

Я бы тоже с удовольствием откинулся на какие-нибудь подушки, жаль, табуретка, на которой я сидел, если и предусматривала откидывание седока, то только с целью получения сотрясения мозга.

— Если бы ведьмы хотели от вас избавиться, им было бы достаточно просто не принимать вас на Лысой Горе, разве нет? Я, правда, не совсем понимаю, для чего они это сделали. Думаю, с Лореттой они бы в любом случае договорились, несмотря на ее колдунов.

— А вдруг они решили, что я в качестве Великого Князя лучше подхожу Киеву?

Странно устроен наш город. Точнее, до сих пор он был устроен очень даже обычно. Корона решала свои вопросы, главный из которых заключался в исправном выбивании налогов из населения в обмен на относительный порядок на улицах и защиту от внешних угроз. Прелесть этого порядка была в том, что, заплатив налоги, горожанин знал: больше до него властям нет никакого дела. Так же, как и горожанам не было никакого дела, кто именно в этом году носит корону и как именно закончил свои дни предыдущий монарх.

Теперь всё поменялось. Лоретта не справилась с домашним заданием — Ярослав выжил, и за это распла-

чивается весь город. Вполне возможно, что сам факт выживания Ярослава, юноши, который всерьез думает, что может править, и от этого кому-то станет лучше...— худшее, что могло случиться с Киевом.

— Князь, спасибо за угощение, я, с вашего разрешения, пойду — осмотрюсь? Меня сменил Данила, если что — он за дверьми.

— Я надеюсь, лейтенант, никаких «если что» сегодня ночью не произойдет.

Этот тон, само построение фразы явно были чужими. Ее автор был старше, и, скорее всего, именно он имел неосторожность заснуть в одной постели с Лореттой.

— Всё будет хорошо, князь, я поспежу за этим...

Почему-то я твердо знал, что приложу все силы, чтобы у этого до смерти напуганного юноши все-таки был шанс стать нашим монархом. Вероятно, кровь покинула мой головной мозг, чтобы плавно отлить к желудку, где всюю шла работа по перевариванию ужина. И кстати, чем можно объяснить тот факт, что мне всё время хотелось назвать князя сыном?

Данила занял место у дверей князя, Толстикова расставил остальные посты, а я расположился в комнате, выделенной мне и капитану, чтобы попытаться как следует выспаться. «Как следует» — значит, попробовать за два часа выспаться так, как обычные люди это делают за восемь. Задача привычная — привычно невыполнимая. На этот раз в ней присутствовала особая пикантность — храп капитана. Если у храпов есть категории, то у этого была категория «быстро сматывайся отсюда».

Голубому Дракону было лучше — он мог себе позволить заснуть где угодно и в любое время суток.

В последнее время он приобрел отвратительную манеру изображать манто у меня на плечах. Получалось довольно тепло, но несколько тяжелее, чем хотелось. Сейчас он не спал, раз за разом пытаюсь расположить свою тушку у меня на пути. В отличие от обычного кота, попытки добиться, чтобы я об него споткнулся, не были намеком на то, что он хочет есть, пить или просто привлечь мое внимание. Скорее всего, ему действительно было любопытно увидеть мое падение.

Местом, максимально удаленным от покушений кота и храповой угрозы, был камин на первом этаже трактира. Кресла, стоящие рядом с ним, не были предназначены для сна, но я был уверен, что это меня не остановит.

— Наливочки перед сном не хотите?

В этом кресле, отодвинутом мною на приличное расстояние от ласкового пламени, отказаться от наливки было невозможно.

— Если только она не заставит меня проспать свою смену.

— Я вас разбужу...

Огромный хозяин трактира двигался абсолютно бесшумно и... совершенно не пугал. Кирпичи странного зеленоватого оттенка, из которых был сложен камин, придавали пламени и всему, что оно освещало, тот же странный оттенок.

Решивший далеко не отпускать меня Голубой Дракон, осмотревшись, занял позицию между мной и троллем.

— Необычный кот и необычный хозяин... Кажется, он пытается о чем-то предупредить меня? — Кружку с наливкой тролль передал мне только благодаря длине своих рук, не решившись пройти мимо кота.

— Что за кирпич?

— Любой дом нашего народа начинается с камина. Камин всегда делают из осколков зеленого камня, как бы далеко от него нас ни занесло... Память о родных местах. Пламя в камине горит всегда — зимой, летом. Так повелось...

— Никогда не слышал о зеленых камнях... О *таких* зеленых камнях. Вероятно, нести их пришлось издалека, и это был не самый легкий груз...

— Я не только выгляжу большим, Алекс.

— Я представлялся?

— Твой кот представился за двоих.